
19
AK
AFC

Анатолий Шигапов

Ак барс 70 лет. Одна пятерка. Четыре смены

«Автор»
2026

Шигапов А.

Ак барс 70 лет. Одна пятерка. Четыре смены / А. Шигапов — «Автор», 2026

Эта книга - история любви, которая длится семь десятилетий. Четыре поколения одной семьи, четыре смены на трибуне Ак Барса: от деревянных скамеек стадиона Динамо в 1956м до сияющего льда ТатнефтьАрены в 2026м. Ильдар, Марат, Булат, Амир - они не стали хоккеистами, но стали душой команды. Они верили, когда никто не верил, ехали на выезды за тысячи километров, плакали от счастья при первом чемпионстве и первом Кубке Гагарина. В их судьбах - вся история казанского хоккея: от Машстроя и СК имени Урицкого до Итиля и великого Ак Барса. Но главный герой этой книги -не только они. Это и те, кто заливает лёд, раскладывает форму, лечит травмы, ведёт автобус. И те, кто сидит на трибуне рядом с тобой. Это книга о том, что в хоккее нет случайных людей. Есть одна пятерка. И каждый из нас - в ней.

© Шигапов А., 2026
© Автор, 2026

Анатолий Шигапов
Ак барс 70 лет. Одна пятерка. Четыре смены

Посвящается

Болельщикам – тем, кто мёрз на деревянных трибунах стадиона «Динамо» в пятидесятых, кто ехал в переполненных поездах в Свердловск и Ригу, кто вставал в пять утра, чтобы занять место в очереди за билетами. Тем, кто не сдаётся, даже когда счёт не в нашу пользу. Тем, кто знает: настоящий болельщик – это не тот, кто кричит при победе, а тот, кто остаётся на трибуне, когда всё против. Вам посвящается.

Фанатам – тем, кто заполняет сектора флагами и барабанами, кто придумывает кричалки, кто делает выезды за тысячи километров, чтобы поддержать команду на чужой арене. Вы – двенадцатый игрок. Вы – голос, который слышен даже на другом конце страны. Вам посвящается.

Всем неравнодушным – тем, для кого хоккей не просто зрелище, а образ жизни. Кто спорит о тактике на кухне, кто анализирует составы, кто переживает каждую шайбу как свою. Кто передал любовь к игре детям, а те – своим детям. Вам посвящается.

Тренерам – от Анатолия Муравьёва, который в 1956 году собрал команду из заводских парней и вывел её на лёд в ватниках, до Юрия Моисеева, выковавшего первый чемпионский характер, до Зинэтулы Билялетдинова, поднявшего над головой первые Кубки Гагарина, до Анвара Гатиятулина, продолжающего традицию. Тем, кто не спит ночами, разбирая тактические схемы. Тем, кто умеет и похвалить, и накричать, но всегда верит в своих игроков. Вам посвящается.

Игрокам – всем, кто выходил на лёд в зелёно-бело-красном свитере с барсом на груди. Тем, кто забивал победные голы и тем, кто пахал в защите, не набирая очков. Тем, кто играл на уколах, кто возвращался после тяжёлых травм, кто не сдавался даже в самых безнадёжных матчах. Вы – те, ради кого всё это. Вы – те, кого мы помним по именам и фамилиям, по номерам и голам. Вам посвящается.

Соперникам – потому что без вас не было бы игры. Тем, кто выходил против «Ак Барса» и заставлял его становиться сильнее. Тем, с кем мы бились в финалах – ЦСКА, «Локомотив», «Металлург», «Салават Юлаев», СКА. Тем, кто дарил нам самые драматичные матчи, самые красивые голы, самую настоящую борьбу. Уважение и благодарность вам. Вы делаете хоккей великим.

Спортивным врачам и массажистам – тем, кто возвращает игроков на лёд после травм, кто работает в тишине раздевалок, пока трибуны гремят. Ваши руки лечат не только тела, но и души. Вам посвящается.

Техническому персоналу – тем, кто подаёт шайбы, кто чистит лёд в перерывах, кто раскладывает форму перед матчем, кто работает в ночную смену, чтобы арена встретила зрителей безупречным льдом. Вас не видно с трибуны, но без вас хоккей невозможен. Вы создаёте праздник. Вам посвящается.

Администраторам, водителям автобусов, работникам столовой, экипировщикам – всем, кто делает жизнь команды возможной за пределами льда. Ваш труд часто остаётся незамеченным, но без него не было бы побед. Вам посвящается.

Правительству Республики Татарстан – за ту поддержку, которая позволяет команде расти и побеждать. За то, что «Ак Барс» стал не просто клубом, а символом республики, её гордостью. За то, что вы верите в хоккей так же, как верили те, кто стоял у истоков. Вам посвящается.

России – стране, которая знает: трус не играет в хоккей. Стране, где этот вид спорта стал чем-то большим, чем просто игра. Где на льду воспитывают характер, закаляют волю, учат не сдаваться. Где хоккей – это часть национальной души. Тебе посвящается.

Четырём поколениям семьи, с которой начиналась эта книга. Ильдару, который увидел первый матч «Машстроя» в 1956 году и передал любовь к хоккею сыну. Марату, который ездил на выезды в девяностые, хромал, но не пропускал ни одной игры. Булату, который верил в Кубок Гагарина и воспитал сына в традициях семьи. Амиру, который сегодня подаёт шайбы на «Татнефть-Арене» и однажды выйдет на этот лёд в свитере «Ак Барса». Вы – не выдуманные герои. Вы – настоящие. Вы – те, кто доказал: любовь к хоккею передаётся по наследству.

Всем, кто делает хоккей возможным – на льду, на трибуне, за кулисами, в кабинетах и в сердцах – эта книга посвящается.

Дорогой читатель!

Книга, которую ты держишь в руках с того самого морозного дня 1956 года, когда на стадионе «Динамо» в Казани впервые вбрасывали шайбу в матче с участием заводской команды «Машстрой». Та игра не сохранилась в официальных протоколах так, как сохранились игры Кубка Гагарина. Не осталось видеозаписей, почти не осталось свидетелей. Но осталась память. Осталась любовь. Осталась история, которую люди передавали друг другу – от отца к сыну, от деда к внуку, от болельщика к болельщику.

Я не был на том матче. Меня не было даже в проекте, когда Ильдар впервые услышал крик «Гол!» на деревянных трибунах. Но я стоял на «Татнефть-Арене» в 2026 году, смотрел, как подросток в зелёной ветровке собирает шайбы, и думал: а что, если бы кто-то записал эту историю? Что, если бы мы могли проследить путь от ватников и самодельных клюшек до серебряного Кубка Гагарина, от гулких пустых трибун до ревущих фанатских секторов? Что, если бы мы могли увидеть не только статистику побед и поражений, но и живые лица, живые судьбы, живую веру?

Так родилась эта книга. Она не о хоккее в том смысле, в каком о нём пишут спортивные журналисты. Здесь почти нет подробных отчётов о матчах (хотя они есть, и их много). Здесь нет глубокого тактического анализа (хотя он иногда проглядывает в спорах героев). Здесь есть то, что обычно остаётся за кадром: люди, которые сидят на трибунах, люди, которые работают на стадионе, люди, которые ждут, верят, сомневаются, плачут и смеются. Потому что хоккей – это не только игроки. Это все мы.

Почему эта книга вообще появилась?

Я вырос в семье, где хоккей был не просто спортом, а языком общения. Мой дед рассказывал мне о Маслове и Столбуне так, будто они были его соседями. Мой отец помнил каждую поездку на выезд в девяностые. Я сам, ещё мальчишкой, стоял у радио и слушал финал 1998 года. А теперь я смотрю, как мой сын подаёт шайбы на матчах «Ак Барса», и понимаю: история не заканчивается. Она продолжается.

И мне захотелось, чтобы у этой истории был свой голос. Не сухой перечень дат и счётов, а живой, тёплый, человеческий голос. Чтобы тот, кто прочитает эти страницы, почувствовал, что значит быть частью чего-то большего, чем ты сам. Чтобы тот, кто никогда не был на хоккее, захотел прийти на стадион. А тот, кто уже болеет, увидел в этих строчках себя.

Я понимаю, что мог ошибиться. Мог что-то забыть, что-то перепутать, что-то приукрасить. История, которая длится семьдесят лет, не укладывается в идеальные схемы. Но я старался. Я перечитывал газеты, смотрел старые фотографии, разговаривал с людьми, которые помнят то, что я уже никогда не увижу. Я пытался быть честным. И я надеюсь, что мне это удалось.

О чём эта книга на самом деле?

На первый взгляд, она о хоккейном клубе «Ак Барс» – о его взлётах и падениях, о его звёздах и тренерах, о его титулах и поражениях. Но на самом деле она о другом. Она о том, как люди остаются людьми, даже когда вокруг рушится всё. О том, как любовь к одной команде может объединить поколения. О том, как важно уметь проигрывать, чтобы потом выигрывать. О том, что победа – это не всегда первое место, а иногда – просто умение встать после падения и идти дальше.

Герои этой книги – не выдуманные. Они жили и живут в Казани. Ильдар, который увидел первый матч «Машстроя» и навсегда заболел хоккеем, – это собирательный образ тех тысяч рабочих, которые в 1956 году пришли на стадион из любопытства, а ушли болельщиками на всю жизнь. Марат, который мечтал стать хоккеистом, но травма поставила крест на карьере, – это история многих, кто не смог, но не перестал любить игру. Булат, который воспитывает сына в традициях семьи, – это каждый из нас, кто передаёт дальше то, что получил от своих отцов. Амир, который сегодня подаёт шайбы, – это завтрашний день казанского хоккея, его надежда и его будущее.

Их судьбы переплетены с судьбой команды. Они болели, когда «Ак Барс» назывался «Машстрой», СК имени Урицкого, «Итиль». Они плакали, когда команда проигрывала, и смеялись, когда выигрывала. Они ездили на выезды в переполненных поездах, стояли в очередях за билетами, спорили о тактике на кухне. Они делали то, что делают все болельщики, – верили. И эта вера, переданная из поколения в поколение, стала тем самым фундаментом, на котором держится клуб.

Потому что клуб – это не только игроки и тренеры. Это город. Это люди. Это тысячи голосов, которые сливаются в один, когда шайба влетает в ворота. Это те, кто приходит на стадион, когда команда побеждает, и те, кто приходит, когда она проигрывает. Это те, кто помнит, и те, кто только учится помнить.

О чём молчит история побед?

В этой книге много страниц посвящено победам – чемпионствам, Кубкам Гагарина, еврокубкам. Но я хочу, чтобы ты, читатель, помнил: победы не даются просто. За каждым триумфом стоят годы работы, сомнений, ошибок, поражений. За каждым поднятым над головой кубком стоят люди, которые не спали ночами, которые пахали на тренировках, которые возвращались на лёд после травм, которые верили, даже когда никто вокруг не верил.

И за каждой победой стоят болельщики. Те, кто ехал за тридевять земель, кто мёрз на трибунах, кто кричал до хрипоты. Те, кто не сдавался, даже когда счёт был 0:2 в финале. Те, кто знал: если мы не будем кричать, кто же тогда?

Эта книга – благодарность им. Всем, кто когда-либо поддерживал «Ак Барс». Всем, кто делал это искренне, от души, без оглядки на результат. Потому что результат – это только цифры на табло. А поддержка – это то, что остаётся в сердцах навсегда.

Эта книга – не просто хроника побед и поражений. Это история любви, которая длится уже семь десятилетий. История, в которой нет случайных людей.

Почему книга называется «Одна пятерка. Четыре смены»?

Когда я задумывал эту книгу, я долго не мог найти название. Перебирал варианты: «Лёд и память», «Смена поколений», «Барс в сердце». Всё было не то. Слишком пафосно или слишком плоско. А потом я приехал на стадион за час до матча, сел в пустом секторе и стал смотреть, как рабочие заливают лёд. Мимо прошёл мальчишка с клюшкой – один из тех, кто подаёт шайбы. Он подошёл к борту, замер, глядя на белое сияющее поле. И вдруг я понял.

В хоккее есть понятие «пятерка». Пять игроков на льду – вратарь, два защитника, три нападающих. Но это только те, кто в форме. Настоящая пятерка больше. В неё входят тренеры, которые стоят у борта. Врачи, которые ждут в подтрибунном помещении. Техничка, которая раскладывает форму. Администратор, который проверяет билеты. И тот мальчишка с клюшкой, который мечтает когда-нибудь выйти на этот лёд в свитере с барсом на груди.

И ещё есть пятый игрок, которого не видно на льду, но без которого матч не состоится. Тот, кто сидит на трибуне. Тот, кто едет за командой на выезд. Тот, кто слушает радио, когда не может быть на стадионе. Тот, кто верит, когда счёт 0:2, и остаётся, когда все уходят. Тот, кто передал эту веру своим детям, а те – своим. Болельщик.

Пятый игрок – это ты.

В хоккее смена длится сорок-пятьдесят секунд. Игроки выходят на лёд, выкладываются на пределе, уходят отдыхать, а на их место приходят новые. Так длится матч. Так длится история.

В этой книге – четыре смены. Первая – Ильдар, рабочий парень, который пришёл на стадион в 1956-м и навсегда заболел хоккеем. Он не стал игроком, он стал болельщиком. Он стоял на деревянных трибунах, когда команда называлась «Машстрой», и верил, что однажды она станет великой.

Вторая смена – Марат, его сын. Он мечтал выйти на лёд, но травма перечеркнула всё. Он остался в хоккее – работал на стадионе, помогал заливать лёд, проверял билеты. И каждую свободную минуту сидел на трибуне. Он ездил на выезды в девяностые, когда денег не было, а вера была. Он видел, как команда вышла в высшую лигу, как впервые стала чемпионом России.

Третья смена – Булат, внук Ильдара. Он не стал профессионалом, но он воспитал сына в традициях семьи. Он работал на заводе, а по вечерам играл в любительской лиге. Он был на стадионе, когда «Ак Барс» впервые поднял над головой Кубок Гагарина. И он держал на плечах маленького Амира, чтобы тот запомнил этот день.

Четвёртая смена – Амир. Ему четырнадцать, он занимается в академии, подаёт шайбы на матчах основы. Он ещё не играет за «Ак Барс», но он уже часть команды. Он носит в себе историю четырёх поколений. И однажды он выйдет на этот лёд.

Четыре смены. Четыре поколения. Четыре истории, которые сплелись в одну.

Но есть ещё одна смена. Она не вписана в семейное древо, но без неё не было бы этой книги.

Это те, кто заливает лёд в ночную смену, чтобы арена встретила зрителей безупречным зеркалом. Те, кто раскладывает форму перед матчем, кто стирает её после, кто чинит клюшки и коньки. Те, кто работает в столовой, чтобы игроки были сыты. Те, кто водит автобус с командой по ночному городу.

Это спортивные врачи, которые возвращают игроков на лёд после тяжёлых травм. Массажисты, чьи руки знают каждую мышцу. Администраторы, которые решают тысячу мелких проблем, чтобы игроки думали только об игре. Технички, которые убирают раздевалки после матчей. Охранники, которые встречают болельщиков у входа.

Это тренеры, которые не спят ночами, разбирая тактические схемы. Это руководство клуба и правительство республики, которое верит в хоккей и поддерживает его на самом высоком уровне.

Это соперники, которые выходят против «Ак Барса» и заставляют его становиться сильнее. Это судьи, чьи решения мы иногда проклинаем, но без которых игра невозможна.

Это все, кто делает хоккей возможным. На льду, на трибуне, за кулисами, в кабинетах, в сердцах.

Пятый игрок – это мы все.

Это ты, читатель. Ты, который ходишь на домашние матчи и кричишь до хрипоты. Ты, который едешь на выезд за тысячу километров, чтобы поддержать команду на чужой арене. Ты, который слушаешь игру по радио, когда не можешь быть на стадионе. Ты, который учишь детей считать шайбы и объясняешь, почему судья поднимает руку. Ты, который не сдаёшься, даже когда счёт 0:2. Ты, который остаётся на трибуне, когда все уходят.

Потому что в хоккее нет случайных людей. Никогда не было и не будет.

Случайные приходят однажды – посмотреть, поглазеть, сфотографироваться на фоне кубка. А потом уходят. Забывают. Исчезают, как тают утренние облака над Волгой.

Но есть другие. Те, кто остаётся. Те, кто возвращается на трибуну снова и снова – через победы и поражения, через радость и боль, через годы и расстояния. Те, кто едет за командой в другой город, когда билет стоит половину зарплаты. Те, кто слушает матч по радио, когда нет возможности смотреть. Те, кто учит внука считать шайбы и объясняет ему, почему судья поднимает руку. Те, кто уходит из жизни, но остаётся на трибуне – незримо, навсегда.

Это не случайные люди. Это – пятерка.

Одна пятерка. На все времена.

Она не меняется в зависимости от состава, результатов или капризов фортуны. В ней нет замен. В ней нет скамейки запасных. В ней – каждый, кто когда-то сказал себе: «Это моя команда». И остался верен этим словам.

И каждый из нас – в ней.

Ты – в ней. Я – в ней. Тот парень в пятом ряду с выцветшим флагом – в ней. Девушка с барабаном в фанатском секторе – в ней. Старик, который смотрит игру по телевизору и гладит кота, – в ней. Мальчишка, который подаёт шайбы и мечтает выйти на лёд, – в ней. И те, кого уже нет с нами, но чьи имена выбиты на могильных плитах рядом с шайбой и фотографией команды, – они тоже в ней.

Потому что хоккей – это не просто игра. Это – семья. Это – кровь. Это – связь, которую не разорвать ни временем, ни расстоянием, ни даже смертью.

Одна пятерка. Четыре смены.

И в этой пятерке – каждый из нас. Навсегда.

С уважением и благодарностью, ваш автор*, который всегда с вами – на трибуне, на выезде, в сердце.*

Анатолий Шигапов

Пролог. Тот самый лёд

Казань, «Татнефть Арена», 3 января 2026 года. За два часа до матча.

Амир вышел из раздевалки для подающих шайбу и остановился в тоннеле, ведущем к скамейке запасных. Ладони его были сухими – странное спокойствие, которого он сам от себя не ожидал. В тринадцать лет он уже подавал шайбы на взрослых матчах четвёртый раз, но каждый раз, когда он слышал этот звук – гул пустого стадиона, гул, который ещё не наполнился голосами, но уже дрожал в бетонных перекрытиях, – у него перехватывало дыхание.

Сейчас он стоял и смотрел на лёд. Белый, чистый, он светился под софитами. «Заливка свежая», – подумал Амир машинально. Вдоль бортов уже стояли ворота, за ними – сетка, такая знакомая, что он мог нарисовать каждую ячейку с закрытыми глазами. Кто-то из обслуживающего персонала проехал по кромке льда на маленьком заливочном аппарате, оставляя влажную полосу, которая тут же схватывалась морозом.

Амир глубоко вдохнул. Воздух в хоккейном дворце был особенным: смесь льда, разогретого пластика бортов, мази для клюшек и того неуловимого запаха, который он называл про себя «запахом большого хоккея». Он любил этот запах с тех пор, как себя помнил.

– Амир! Не стой, простудишься! – окликнул его знакомый голос Михаила, одного из администраторов. – Иди в раздевалку, форму надевай.

– Сейчас, – ответил Амир, но с места не сдвинулся.

Он смотрел на трибуны. Пустые кресла, ряды, уходящие вверх. Там, наверху, уже через час начнут собираться первые болельщики. Они придут с шарфами, флагами, барабанами. Они будут кричать, петь, топать. И в этом гуле Амир всегда пытался разобрать голос отца – Булата. Отец сидел не в фанатском секторе, он предпочитал центральную трибуну, поближе к красной линии, но кричал так, что его было слышно на другом конце арены. Амир знал это с детства,

когда сидел рядом с ним на коленях и смотрел, как отец вскакивает, размахивает руками и кричит: «Давай! Бей!».

А дед? Дед Марат уже редко ходил на стадион. Ему было за семьдесят, и колени болели так, что подниматься по лестницам становилось пыткой. Но сегодня он обещал прийти. «Матч-то какой, – сказал он по телефону вчера вечером. – Яшкин после отстранения выходит, Галимов набирает форму, а Билялов… Билялов, говорят, в ударе. Я приду, даже если ноги откажут». Амир улыбнулся, вспомнив, как дед всегда говорит: «Я приду». Он приходил и в девяностые, когда команда называлась «Итиль» и играла на старом «Спорт-сарае» на четыре тысячи зрителей, и в двухтысячные, когда «Ак Барс» впервые взял золото, и в две тысячи девятом, когда впервые поднял над головой Кубок Гагарина. Дед приходил всегда.

Амир перевёл взгляд на лёд. Там, где сейчас пустота, через полтора часа начнётся разминка. Выйдут игроки в зелёных свитерах, начнут кататься, бросать шайбы по воротам. Они будут выглядеть гигантами, хотя многие из них в обычной жизни ниже его отца. На льду они превращаются в другое существо – быстрые, мощные, неуязвимые.

«Они такие же, как я, – подумал Амир. – Только лучше».

Он вспомнил, как дед рассказывал ему о том, что впервые увидел хоккей в пятьдесят шестом году. Тогда не было ни этого дворца, ни этих свитеров, ни даже нормальных коньков. Люди выходили на лёд в валенках и играли самодельными клюшками, а шайба была деревянная, тяжёлая, и летала она совсем не так, как сейчас. И команда тогда называлась не «Ак Барс», а «Машстрой». Никто и подумать не мог, что через семьдесят лет мальчишка по имени Амир будет стоять на этом самом льду, в этом самом городе, и подавать шайбы звёздам, чьи фамилии знает вся страна.

– Амир! – голос Михаила прозвучал настойчивее. – Ты оглох? Быстро в раздевалку, через двадцать минут выход на лёд!

– Иду! – крикнул Амир и, бросив последний взгляд на сияющую ледовую гладь, побежал вниз по тоннелю.

Раздевалка для подающих шайбы находилась рядом с гостевой, но в другом крыле. Там уже собирались четверо других подростков – те, кто сегодня работал на матче. Кто-то натягивал форму, кто-то проверял, на месте ли перчатки и шлем. Амир быстро переоделся, застегнул молнию на зелёной ветровке с логотипом «Ак Барса» и натянул шлем. В зеркале он увидел своё лицо: узкое, с острыми скулами, веснушками, рассыпанными по переносице, и глаза – тёмно-карие, почти чёрные, которые всегда казались старше его возраста. «Папины глаза», – говорила мама. Амир считал, что отцовские глаза смотрят на мир жёстче, требовательнее. Свои он ещё не разгадал.

– Погнали, – сказал старший, парень лет шестнадцати, и они вышли в коридор.

По пути к льду Амир увидел, как из главной раздевалки выходят игроки. Они шли неспешно, в накинутых на плечи куртках, с клюшками в руках. Кто-то жевал жвачку, кто-то переговаривался, смеялся. Лица были спокойные, но Амир знал, что это только снаружи. Внутри каждый уже вошёл в боевой режим. Он заметил Яшкина. Тот шёл чуть в стороне, один, смотря прямо перед собой. Лицо его было непроницаемо. «Вернулся после скандала», – подумал Амир, вспомнив, как дед Марат возмущался по телефону: «Капитан, а режим нарушает! Что за пример?». А потом, после того как Гатиятулин отстранил Яшкина, дед сказал: «Правильно. Семья – это когда отвечаешь за поступки». Амир тогда не совсем понял, при чём здесь семья. Но сейчас, глядя на сосредоточенное лицо Яшкина, он вдруг почувствовал, что тот действительно возвращается в семью.

Игроки свернули к выходу на лёд. Амир с другими подающими замерли у входа, пропуская их. Кто-то из хоккеистов бросил короткий взгляд на подростков, кто-то кивнул. Амир поймал взгляд Галимова. Тот улыбнулся и подмигнул. Амир почувствовал, как сердце ёкнуло, и улыбнулся в ответ.

Потом они вышли на лёд.

Лёд принял его, как принимает всегда – холодом, скольжением, непривычной свободой. Амир оттолкнулся и покатил к скамейке запасных, где уже стояла корзина с шайбами. Его задача была проста: собирать шайбы после бросков на разминке и складывать их обратно в корзину. Но для него это было больше, чем работа. Это было прикосновение к миру, в который он хотел войти навсегда.

Разминка началась. Шайбы летели во все стороны, ударялись в борта, звенели о стойки ворот. Амир ловко подхватывал их, катил к корзине. Он смотрел, как игроки разминаются, как вратари встают в ворота, как тренер Гатиятулин стоит у борта, скрестив руки на груди, и негромко говорит что-то помощникам. Взгляд у него был спокойный, даже усталый, но Амир знал от отца, что Гатиятулин – самый жёсткий тренер в лиге, когда дело доходит до дисциплины.

Амир поймал ещё одну шайбу, кинутую с неудобной руки, и сунул её в корзину. В этот момент он поднял голову и увидел на трибуне отца. Булат сидел на своём обычном месте, в пятом ряду, прямо за красной линией. Он был в зелёной кепке и шарфе, и даже отсюда Амир видел, как он улыбается. Рядом с ним, опираясь на трость, сидел дед Марат. Он пришёл. Амир помахал им рукой, и оба замахали в ответ, как будто они встретились после долгой разлуки, хотя виделись только вчера.

«Началось, – подумал Амир. – Сейчас начнётся игра».

И он, сам не зная почему, вспомнил ту историю, которую дед рассказывал ему сотни раз, но которая всякий раз звучала как в первый раз. Историю о том, как в 1956 году простой парень Ильдар, его прадед, пришёл на первый матч «Машстроя» и навсегда заболел хоккеем. С той самой игры, с того самого морозного дня, когда он стоял на трибуне среди таких же рабочих и смотрел, как обычные парни в ватниках бьются на льду, не щадя себя.

«Это была первая смена, – говорил дед Марат, когда рассказывал эту историю. – Первая смена казанского хоккея. И в той смене был твой прадед. А теперь, – он смотрел на Амира, – ты будешь следующей сменой».

Амир катил по льду, собирая шайбы, и чувствовал, как внутри него разрастается что-то огромное, тёплое и неудержимое. Он не знал, станет ли он хоккеистом, выйдет ли когда-нибудь на этот лёд в свитере «Ак Барса» и забьёт ли победный гол в финале Кубка Гагарина. Но сейчас, в эту минуту, он был частью чего-то большего, чем его собственная жизнь. Он был частью истории.

Часть первая. Корни. От «Машстроя» до «Итиля»

Глава 1. Первая смена (1956)

В ноябре 1956 года, когда Казань засыпало первым снегом, в кабинете директора моторостроительного завода собралось несколько человек. Анатолий Муравьёв, бывший спортсмен, приехавший из Москвы, разложил на столе самодельный чертёж хоккейной коробки.

– Иван Петрович, хоккей с шайбой – это будущее. В Москве уже играют, в Ленинграде. Наш завод может стать первым в Казани.

Директор, пожилой, с тяжёлыми руками, долго молчал.

– А где форма? Коньки? Клюшки?

– Найдём. Я сам буду тренировать. Ребята есть, те, кто на коньках с детства. Стеганки сошьём, коньки на барахолке купим. Главное – дайте добро.

Иван Петрович стукнул кулаком по столу:

– Быть команде. Назовём «Машстрой» – моторостроительный завод, коллектив физкультуры. А форму… на первое время хоть в ватниках выходите, но играть надо. Рабочий человек должен отдыхать с пользой.

Так, в этом кабинете, пахнущем мазутом и табаком, родился клуб, которому суждено было стать легендой.

Была поздняя осень 1956 года, и Казань, как всегда в это время, погружалась в серую, сырую тоску. Небо висело низко, тяжело, будто его кто-то придавил сверху свинцовой плитой. Дождь моросил с утра, потом перешёл в мокрый снег, и к обеду город стал похож на мокрую тряпку – серую, липкую, безрадостную.

Ильдар работал на моторостроительном заводе. Двадцать один год, руки в мозолях, плечи развернуты, глаза – цвета осенней Волги, серо-зелёные, с прищуром. Он стоял у станка с восьми утра, вытачивал детали для авиационных двигателей. Работа была тяжёлая, но он любил её за точность, за то, что можно было забыться, сосредоточиться на резце и металле, и мир вокруг исчезал.

– Ильдар! – крикнул ему через шум цеха сосед по станку, Генка Чистяков. – Ты сегодня на хоккей пойдёшь?

– На какой хоккей? – Ильдар даже не повернулся. Он заканчивал проходку, и рука его двигалась ровно, спокойно.

– Как на какой? «Машстрой» играет. Наша команда!

– У нас есть команда?

Генка засмеялся, хлопнул его по плечу. Генка был старше на три года, рыжий, конопатый, вечно заводной, как пружина.

– Ты что, под камнем живёшь? «Машстрой» – это наш заводской коллектив. Первый матч в чемпионате Казани. Сегодня в четыре на стадионе «Динамо». Лёд уже залили.

Ильдар выключил станок, стряхнул стружку с фартука. Он слышал что-то про команду – в заводской многотиражке писали, что на базе завода создали хоккейную команду, но он не придал этому значения. Для него спорт ограничивался футболом летом и лыжами зимой. Кататься на коньках он умел – как все мальчишки в Казани, бегал на замёрзшее озеро Кабан или на Казанку, гонял шайбу из куска резины. Но чтобы хоккей стал чем-то серьёзным…

– А кто там играет? – спросил он, вытирая руки промасленной ветошью.

– Наши, заводские. И тренер – Муравьёв, Анатолий. Говорят, сам играл раньше, теперь команду собрал. Пойдём, Ильдар, не пожалеешь.

Ильдар помолчал. Ему хотелось после смены пойти домой, поесть горячего супа, который варила мать, и завалиться на печь. Но Генка смотрел на него с таким азартом, что отказать было просто невозможно.

– Ладно, – сказал Ильдар. – Пойдём. Но если мне там не понравится…

– Понравится, – перебил Генка. – Ещё как понравится.

Стадион «Динамо» находился в центре, недалеко от завода. Это была обычная спортивная площадка, обнесённая деревянным забором, с трибунами на несколько сотен мест. Лёд залили на футбольном поле, сделали борта из досок, повесили сетку за воротами – простую, рыбацкую, кое-где уже прорванную. Ильдар, подходя к стадиону, увидел длинную очередь у входа. Народу собралось – не протолкнуться.

– Ого, – сказал он. – И сколько же тут народу?

– Всё, у кого есть свободное время, – ответил Генка, проталкиваясь вперёд. – Билеты по рублю, давай, я возьму.

Они купили билеты и втиснулись на трибуну. Ильдар оказался почти у самого борта, на деревянной скамейке, которая была мокрой от недавнего снега. Кто-то постелил газету, кто-то стоял, потому что мест уже не хватало. Запах был: нафталин, махорка, мокрая шерсть и что-то ещё – острый, бодрящий холод, смешанный с предвкушением.

– Смотри, – сказал Генка, показывая на лёд. – Вон они, наши.

На льду разминались игроки. Ильдар вгляделся. Это были обычные парни – в ватниках, в стёганых штанах, на головах – шапки-ушанки, у некоторых – самодельные шлемы из кожи.

Коньки у всех разные – кто на «снегурках», кто на «гагарах», а у одного вообще были привязаны к валенкам ремешками. Клюшки – тяжёлые, деревянные, у некоторых с загнутым крюком, у других – прямые, как палки. Но двигались они на удивление легко, ловко, шайбу гоняли быстро, и Ильдар с удивлением заметил, что его взгляд прикован к льду.

– А кто у них главный? – спросил он.

– Вон тот, в синей шапке, – показал Генка. – Муравьёв. Он и тренер, и играет. Говорят, в Москве учился, настоящий хоккей видел.

Ильдар посмотрел на Муравьёва. Тот был невысокий, коренастый, с широкими плечами. Даже в ватнике чувствовалась сила. Он катался вокруг своих игроков, что-то говорил, показывал. Движения у него были другие – не такие, как у остальных. Более плавные, уверенные. «Мастер», – подумал Ильдар.

Раздался свисток. Судья в тулупе и валенках вышел на лёд, поднял руку. Игроки выстроились на своих местах. Против «Машстроя» играла команда «Динамо» – тоже заводская, но из другого цеха. Ильдар видел некоторых лиц – они работали в соседнем корпусе.

– Начинается! – крикнул Генка, и толпа вокруг загудела.

Вбрасывание. Шайба – чёрный, тяжёлый кругляш из резины – упала на лёд. Игроки рванули. Клюшки застучали, лёд заскрежетал под коньками. Всё произошло так быстро, что Ильдар не успел ничего разобрать. Он только видел, как трое в белых свитерах (свои) покатили к воротам соперника, как один из них, Муравьёв, получил шайбу, обвёл защитника и бросил. Вратарь в ватнике с подушками на ногах едва успел отбить.

– Эх! – выдохнула толпа.

Ильдар почувковал, как сердце ёкнуло. Ему никогда не было так интересно смотреть на спорт. В футболе всё медленнее, понятнее. А здесь – скорость, борьба, каждый момент может стать решающим.

Первая десятиминутка прошла без голов. Игра была жёсткой – игроки толкались, падали, клюшки летали. Кто-то из «Динамо» получил клюшкой по лицу, кровь брызнула на лёд, и толпа ахнула. Но судья даже не остановил игру – только махнул рукой: играй!

– Это хоккей, – сказал Генка, заметив, как Ильдар побледнел. – Здесь не жалеют.

Ильдар кивнул, не отрывая взгляда от льда. Ему было одновременно страшно и захватывающе. Эти парни – такие же, как он, заводские рабочие – выходили на лёд и бились так, будто от этого зависела их жизнь. Они не получали за это денег (ну, может, премию), не было у них ни тренеров-профессионалов, ни нормальной экипировки. Но они играли так, как будто это было самое главное в их жизни.

На пятнадцатой минуте Муравьёв перехватил шайбу у своей синей линии, рванул вперёд. Он шёл по правому флангу, обыгрывая одного, второго защитника. Толпа загудела, засвистела. Ильдар вскочил с места сам не зная зачем. Муравьёв вышел на ворота, замахнулся. Вратарь бросился в угол, но шайба полетела в другой – в ближний, верхний. Свист, удар, и чёрный кругляш влетел в сетку.

– ГОЛ! – заорал Генка, и весь стадион взорвался.

Ильдар заорал вместе со всеми. Он не помнил, чтобы когда-нибудь испытывал что-то подобное. Внутри всё клокотало, руки тряслись, а на глаза наворачивались слёзы – от восторга, от неожиданности, от того, что этот парень, этот Муравьёв, который стоял сейчас с поднятой клюшкой и улыбался, сделал что-то невероятное.

Первый период закончился со счётом 1:0. Ильдар огляделся. Трибуны – всё больше мужчины, но были и женщины, и дети. У всех глаза горели, все кричали, спорили, обсуждали. Кто-то достал из сумки бутерброды, кто-то – фляжку. Пахло махоркой, потом и морозом. Ильдару вдруг показалось, что он попал в другой мир – яркий, живой, где нет места серости завода и усталости после смены.

– Ну как тебе? – спросил Генка, толкая его в бок.

– Здорово, – выдохнул Ильдар. – Очень здорово.

– То-то же. А ты не хотел идти.

Второй период начался с атак «Динамо». Их игроки были злее, агрессивнее. Они давили, бросали, и вратарь «Машстроя», парень по фамилии Степанов, едва успевал отбивать. Одна шайба попала ему в грудь, другая – в плечо. Он морщился, но стоял. Ильдар видел, как ему больно, но он не уходил.

– Держись, Степанов! – крикнул кто-то рядом, и трибуна подхватила: – Держись!

На седьмой минуте «Динамо» всё-таки забило. Их нападающий проскочил по центру, получил пас и бросил – шайба проскочила между щитками вратаря. Ворота распахнулись. Ильдар скрипнул зубами.

– Ничего, – сказал Генка. – Ещё успеем.

Но второй период закончился 1:1. Игроки ушли в раздевалку – в тёплое помещение при стадионе, где, наверное, переводили дух, слушали Муравьёва. Ильдар думал о том, что сказал бы тренер. Наверное, он ругался, а может, наоборот, подбадривал.

– Генка, а почему они играют? – спросил Ильдар. – Ну, зачем им это?

Генка посмотрел на него, как на ребёнка.

– Как зачем? – он помолчал. – Ради победы. Ради того, чтобы доказать, что мы, заводские, можем. Что мы не хуже других. Понимаешь, Ильдар? Мы тут все рабочие, руки в мозолях, спины гнём, а на льду мы – не просто рабочие. Мы – команда.

Ильдар задумался. Он никогда не думал о себе как о части чего-то большого. Работа, дом, мать, редкие гулянки с друзьями. А тут – вся Казань, кажется, собралась смотреть на этих парней.

Третий период начался с бешеного темпа. «Машстрой» рванул вперёд. Муравьёв снова повёл атаку, но его остановили жёстким силовым приёмом, он упал, но быстро вскочил. Ильдар видел, как у него трясётся рука – видимо, ударился. Но он продолжал играть, раздавал пасы, заставлял своих двигаться.

За пять минут до конца счёт всё ещё был 1:1. Ильдар уже не сидел – он стоял, вцепившись в деревянный барьер перед трибуной. Сердце колотилось где-то в горле.

И тут случилось то, что он запомнил на всю жизнь.

Шайба отскочила от борта, её подхватил молодой парень, совсем молодой, наверное, ровесник Ильдара. Звали его, как потом узнал Ильдар, Саша Кузнецов. Он работал в том же цехе, но Ильдар его не знал – видел мельком. Кузнецов покатил к воротам. У него не было техники Муравьёва, не было мощи, но было что-то другое – отчаянная, дикая решимость. Он шёл на ворота, а защитник «Динамо» встретил его у линии штрафной площадки. Удар клюшкой, толчок – Кузнецов упал, но, падая, успел выбросить руку и толкнуть шайбу вперёд. Шайба медленно, нелепо покатилась по льду, вратарь потянулся к ней, но не достал. Шайба пересекла линию ворот.

Сначала никто не понял, что это гол. Тишина повисла на секунду, а потом судья поднял руку и указал на центр. Гол!

Трибуны взорвались. Ильдар закричал что-то бессвязное, обнял Генку, обнял незнакомого мужика рядом, и все они прыгали, орали, хлопали друг друга по спинам. На льду игроки «Машстроя» облепили Кузнецова, который лежал на льду, улыбаясь во весь рот. Муравьёв подъехал, потрепал его по голове.

Оставшиеся минуты «Динамо» пыталось отыграться, но «Машстрой» удержал счёт. Финальный свисток прозвучал, и Ильдар почувствовал, что его трясёт. Он стоял на трибуне, смотрел на игроков, которые устало, но счастливо шли к раздевалке, и внутри него что-то перевернулось.

– Ну, что я говорил? – Генка сиял. – Вот это хоккей!

– Это… это невероятно, – сказал Ильдар. – Генка, я хочу так же.

– Как?

– Ну, играть. Я хочу научиться играть.

Генка рассмеялся.

– А ты умеешь?

– На коньках – да. А так – нет.

– Ну, так научишься. Завтра же пойдём на лёд, я покажу.

Ильдар кивнул. Он знал, что завтра после смены он придёт на этот самый стадион, возьмёт клюшку и будет кататься, пока не упадет. Он знал, что теперь это станет частью его жизни.

Они вышли со стадиона. Уже стемнело, фонари горели тусклым жёлтым светом. Народ расходился, обсуждая игру. Кто-то спорил о голе, кто-то хвалил вратаря. Ильдар шёл и чувствовал, как внутри него горит огонь. Он не знал, как это назвать – может, азарт, может, предчувствие, а может, то самое чувство, которое заставляет человека возвращаться на трибуну снова и снова.

– Генка, – сказал он, когда они дошли до угла улицы Ленина. – А что будет дальше? С командой?

– Дальше? – Генка задумался. – Будет чемпионат. Потом, может, в класс «Б» выйдем, а там, глядишь, и в высшую лигу. Кто знает, Ильдар? Может, через много лет наша команда будет играть в Москве, на главном стадионе. И мы будем сидеть на трибуне и говорить: «А мы помним, как всё начиналось».

Ильдар улыбнулся. Он представил себе это – огромный стадион, море народа, и на льду – команда в зелёных свитерах, и он, Ильдар, на трибуне. А может, и не только на трибуне.

– Знаешь, – сказал он. – Я хочу, чтобы мои дети и внуки тоже видели это. Хоккей. Чтобы они приходили на стадион и кричали, как мы сегодня.

– Будут, – сказал Генка уверенно. – Обязательно будут.

Они разошлись по домам. Ильдар шёл по тёмным улицам, и холодный ветер бил в лицо, но ему было жарко. Он думал о сегодняшнем матче, о Муравьёве, о Кузнецове, о том, как шайба медленно пересекала линию ворот. И о том, что он, Ильдар, только что стал частью чего-то нового, чего-то огромного, что будет длиться десятилетиями.

Дома его ждала мать. Она сидела за столом, накрывала ужин – щи, каша, краюха хлеба.

– Задержался, – сказала она спокойно. – Где был?

– На хоккее, мама. Заводская команда играла.

– Выиграли?

– Выиграли. 2:1.

Мать кивнула, пододвинула тарелку.

– Ешь. Завтра на работу рано.

Ильдар сел, взял ложку. Он хотел рассказать ей всё – про гол, про Кузнецова, про то, как он кричал, как плакал почти, – но слова не шли. Он только сказал:

– Мама, я завтра после работы пойду кататься. Хочу научиться играть.

Мать подняла на него глаза. В них была усталость, но ещё – что-то тёплое, материнское.

– Играй, – сказала она просто. – Только работу не бросай.

– Не брошу.

Он ел щи и думал о том, что сегодня началась его жизнь. Не та, что была до этого – работа, дом, усталость, – а другая, в которой есть лёд, скорость, борьба и победа. Он ещё не знал, что через тридцать лет будет сидеть на трибуне со своим сыном Маратом и рассказывать ему о том первом матче. Он ещё не знал, что его внук Булат будет носить форму «Ак Барса» (только не на льду, а в сердце), а правнук Амир выйдет на этот самый лёд, чтобы подавать шайбы звёздам. Он ничего этого не знал.

Но он знал одно: сегодня он стал болельщиком. Навсегда.

За окном падал снег, крупный, белый, и Казань засыпала под этот тихий, мягкий снегопад, а где-то на стадионе «Динамо» горел свет в раздевалке, и Муравьёв говорил своим игрокам:

– Хорошо, парни. Но это только начало.

И это было правдой.

Глава 2. Команда Ленинского района (1962)

В раздевалке стадиона «Динамо» за час до игры с московским «Спартаком» тренер Владимир Андреев собрал игроков. Он говорил негромко, но каждое слово падало как камень:

– Москвичи нас за «лимитчиков» держат. Думают, раз провинция, значит, сдадимся. Я предлагаю забыть про результат. Выйдем и сыграем так, как умеем. Каждый – за себя и за товарища. Если победим – выйдем в класс «А». Если проиграем…

– Не проиграем, – перебил капитан. – Мы не для того сюда приехали.

– Тогда запомните: на льду вы не одни. За вами весь город. За вами люди, которые встали в очередь за билетами в пять утра. Докажите, что казанский хоккей – это сила.

Игроки молча кивнули. А через два часа они обыграли «Спартак» и вошли в историю.

Шесть лет прошло с того дня, когда Ильдар впервые увидел хоккей. Шесть лет, а казалось – целая жизнь. В пятьдесят шестом он был просто рабочим парнем, который пришёл на стадион из любопытства. Теперь, в шестьдесят втором, Ильдар знал о хоккее всё, или почти всё. Он знал, как правильно заточить коньки, чтобы лёд держал при резких поворотах; он знал, какой крюк лучше для щелчка, а какой – для кистевого броска; он знал имена всех игроков не только казанской команды, но и московских, и ленинградских, и челябинских. Он научился играть сам – не так хорошо, как те, кто выходил на лёд в заводской форме, но достаточно, чтобы вечерами гонять шайбу с такими же, как он, на замёрзшем Кабане или на коробке за стадионом.

Но главное, что изменилось в его жизни, произошло в пятьдесят девятом, когда родился сын. Марата назвали в честь деда, который погиб на фронте. Ильдар тогда работал в ночной смене, а когда пришёл утром в роддом и увидел маленькое, сморщенное лицо, он вдруг понял, что теперь его жизнь будет другой. Он будет не просто болельщиком. Он будет передавать дальше то, что сам получил когда-то на той деревянной трибуне стадиона «Динамо».

И он передавал. Едва Марат научился стоять на ногах, Ильдар поставил его на коньки. Мать – Кадрия – ругалась: «Ребёнку всего три года, замёрзнет!». Но Ильдар был твёрд: «Мой сын будет играть в хоккей». Коньки были старые, «снегурки», найденные на барахолке, велики на несколько размеров. Марат набил ноги до крови, но не плакал. Он стоял на льду, широко расставив ноги, и смотрел на отца снизу вверх с такой серьёзностью, что Ильдар невольно улыбался.

– Держись, сынок, – говорил он. – Сейчас поедем.

Марат падал, вставал, падал снова. К концу первой зимы он уже неуверенно, но ехал. А к пяти годам мог объехать вокруг катка, не касаясь борта. Ильдар гордился им, может, даже больше, чем следовало.

Сам он уже не играл в команде – не хватало времени и подготовки, но работал на стадионе. С пятьдесят восьмого года, когда «Машстрой» переименовали в СК имени Урицкого, Ильдар устроился туда подсобным рабочим. Он заливал лёд, чинил борта, убирал снег с трибун. Денег платили мало, но он мог быть рядом с командои, видеть тренировки, разговаривать с игроками. И главное – он мог брать с собой на матчи Марата.

Сын сидел на трибуне рядом с ним, прижавшись к отцовскому боку, и смотрел на лёд широко открытыми глазами. Ему ещё не всё было понятно, но он уже знал, что когда папа кричит, надо кричать вместе с ним. И когда команда забивает, надо вскакивать и махать руками.

– Папа, а почему они в синем? – спросил Марат однажды, показывая на соперников.

– Потому что мы в белом, – объяснял Ильдар. – Мы – Урицкого, а они – «Трактор» из Челябинска.

– А мы их победим?

– Победим. Обязательно.

В тот день «Урицкий» проиграл 2:4. Марат расстроился, даже заплакал. Ильдар обнял его:

– Не плачь, сын. Победы и поражения – это всё хоккей. Надо уметь проигрывать, чтобы потом выигрывать.

Марат шмыгнул носом и кивнул. Он ещё не понимал этих слов, но запомнил их навсегда.

В шестьдесят втором году всё изменилось. Команда, которая до этого балансировала между классом «Б» и низшими дивизионами, вдруг заиграла так, что о ней заговорили в Казани. Пришёл новый тренер – Владимир Андреев, москвич, воспитанник школы ЦСКА, и сразу поставил игру. Он требовал от хоккеистов дисциплины, скорости, борьбы. Игроки, привыкшие к вольному стилю заводских чемпионатов, поначалу роптали, но результат не заставил себя ждать.

– Ильдар, ты видел, как они катаются? – Генка Чистяков, теперь тоже завсегдатай стадиона, сидел рядом с ним на трибуне. – Это уже не тот хоккей, что в пятьдесят шестом.

– Знаю, – кивнул Ильдар. – Они научились играть в пас. Раньше каждый тащил шайбу на себе, а теперь – комбинации.

– Андреев говорит, что мы можем выйти в класс «А». Ты представляешь? Высшая лига? С ЦСКА играть?

Ильдар представил. Он видел ЦСКА только в кинохронике – мощные, быстрые, непобедимые. И вдруг – Казань, их команда, выходит против них на лёд. От этой мысли захватывало дух.

Сезон шестьдесят второго складывался удачно. «Урицкий» шёл в лидерах, обыгрывал соперников одного за другим. На трибунах теперь не было свободных мест – даже в будни, даже в мороз. Казань полюбила хоккей. Люди приходили семьями, с детьми, с флагами. Ильдар видел, как стадион меняется: поставили новые скамейки, сделали навес над центральной трибуной, установили электронное табло – правда, пока только цифры, но и то праздник.

Марату было три года, и он уже знал, что такое офсайд. Ильдар научил его считать шайбы, объяснял, почему судья поднимает руку, почему игроки меняются на ходу. Марат сидел на коленях у отца, в шапке-ушанке, нахлобученной до бровей, и смотрел, как на льду происходит чудо.

– Папа, а тот дядя, который забил, он наш? – спросил он однажды, когда команда выиграла очередной матч.

– Наш, сынок. Это Витя Круглов. Он с завода, как и я.

– А я смогу так же?

Ильдар посмотрел на сына. У того были такие же серо-зелёные глаза, как у него, и тот же упрямый подбородок.

– Сможешь. Если захочешь.

– Хочу, – твёрдо сказал Марат.

Ильдар поцеловал его в макушку. Он верил, что сын сможет. Может, даже больше, чем он сам.

Решающий матч, который должен был вывести команду в класс «А», назначили на воскресенье, 25 марта 1962 года. Соперник – московский «Спартак». Не та грозная команда, что ЦСКА, но тоже столичная, с именитыми игроками, с историей. Ильдар волновался так, как будто сам выходил на лёд. Он пришёл на стадион за три часа до начала, помог залить лёд, проверить ворота. Марата оставил с матерью – на такой матч тащить трёхлетнего ребёнка было рискованно. Но сам он должен был быть там.

К четырём часам стадион был забит до отказа. Люди стояли в проходах, на ступеньках, на снежных сугробах за ограждением. Ильдар занял своё обычное место – в третьем ряду, у центральной линии. Рядом с ним сел Генка, принесший с собой фляжку с чем-то горячительным «для сугреву». Ильдар отказался – ему нужно была ясная голова.

– Слушай, – сказал Генка, когда игроки вышли на разминку. – Я слышал, москвичи привезли своего вратаря, он в сборной играет.

– И что? – Ильдар не отрывал взгляда от льда. – Наши тоже не лыком шиты.

На разминке «Урицкий» выглядел собранным. Игроки передавали шайбу быстро, точно, вратарь Саша Степанов, тот самый, что стоял в первом матче шесть лет назад, был спокоен и непроницаем. Ильдар заметил, что Андреев негромко говорит что-то капитану, показывая рукой на зоны. Тот кивал.

Москвичи вышли на лёд с важным видом. У них была новая форма, блестящие коньки, клюшки с фирменными наклейками. Они катались с чувством превосходства, и это, как подумал Ильдар, могло стать их слабостью.

Судья дал свисток. Игра началась.

Первые минуты «Спартак» владел шайбой, раскатывая комбинации, но Степанов уверенно держал ворота. Ильдар заметил, как капитан «Урицкого» (звали его Николай) внимательно следит за перемещениями соперников, выбирая момент для контратаки. И такой момент настал на седьмой минуте.

Перехват у синей линии, быстрый пас на левый фланг, и нападающий, молодой парень по фамилии Козлов, вылетает один на один с вратарём. Ильдар вскочил, толпа загудела. Козлов бросает – вратарь отбивает, но шайба отскакивает прямо на клюшку Круглову, который накатывает с правого края. Удар с лёта – и шайба в сетке!

– ГОООЛ! – заорал Ильдар, и весь стадион взорвался.

Генка обнял его, оба прыгали, как дети. Счёт стал 1:0 в пользу казанцев. Москвичи ошеломлённо переглядывались, а «Урицкий» уже праздновал гол, сбившись в кучу у борта.

– Давай, давай! – кричал Ильдар. – Не давайте им опомниться!

Но «Спартак» опомнился быстро. Столичные игроки занервничали, начали играть жёстче, грубее. На двенадцатой минуте один из москвичей ударил клюшкой Круглова по ногам, тот упал, но судья не заметил. Ильдар возмущённо замахал руками, но толпа загудела в том же духе – судейство было, как всегда, не на стороне провинциалов.

Первый период закончился со счётом 1:0. В раздевалку игроки уходили под овации. Ильдар перевёл дух, вытер вспотевший лоб. Холод был такой, что пар валил изо рта, но ему было жарко от напряжения.

– Держатся, – сказал Генка. – Главное – второй период выдержать.

Второй период начался с атак «Спартака». Они давили, бросали со всех позиций, заставляли Степанова работать на пределе. Ильдар видел, как вратарь ловит шайбу за шайбой, как его лицо становится всё более сосредоточенным. На пятой минуте – двойное удаление у «Урицкого», и «Спартак» получил полминуты игры 5 на 3. Ильдар затаил дыхание.

Москвичи раскатывали шайбу по периметру, искали момент для броска. Их капитан, известный бомбардир, получил пас на пятачке, замахнулся – и Степанов, словно предугадав, сместился, поймал шайбу в ловушку. Толпа выдохнула. Ильдар услышал, как кто-то рядом прошептал: «Молодец, Саша».

Но удержать преимущество до конца периода не удалось. На семнадцатой минуте, после очередной атаки, шайба отскочила от щитка Степанова прямо на клюшку спартаковца, и тот с трёх метров отправил её в пустой угол. 1:1.

Тишина на стадионе. Ильдар заскрипел зубами. Он посмотрел на табло – до конца периода оставалось меньше минуты. «Ничего, – подумал он. – Ещё третий период есть».

Но в раздевалке после второго периода, как позже рассказывали, Андреев сказал своим игрокам: «Вы не хуже их. Они такие же люди, такие же хоккеисты. Докажите это на льду». Слова эти потом облетели весь стадион, и Ильдар, услышав их от кого-то из знакомых, почувствовал гордость за тренера.

Третий период стал битвой. «Спартак» снова наседал, но «Урицкий» не отсиживался в обороне – они контратаковали остро, опасно. На третьей минуте Круглов вышел на рандеву с вратарём, но тот вытащил. На седьмой – дальний бросок, вратарь еле отбил. На двенадцатой – Козлов упал в чужой зоне, но успел отдать пас, и шайба прошла в сантиметрах от штанги.

Ильдар сидел на краю скамейки, вцепившись руками в колени. Он не кричал, не махал – он просто смотрел, не мигая. Время тянулось бесконечно.

За пять минут до конца Андреев выпустил пятёрку, которая должна была принести победу. Ильдар знал этих ребят: Круглов, Козлов, капитан Николай, защитники – братья Петровы. Они вышли на лёд с таким видом, будто от этого момента зависела вся их жизнь.

Игра переместилась в зону «Спартака». Казанцы давили, не давали сопернику выйти из своей половины. Ильдар услышал, как трибуны скандируют: «У-риц-кий! У-риц-кий!». Это было похоже на единый вздох, на одну волну, которая поднимала игроков.

За две минуты до конца Круглов получил шайбу у борта, увидел, что Козлов открылся на пятачке, и отдал пас. Козлов принял, развернулся, бросил – вратарь отбил, но шайба выскочила перед воротами. Там уже был капитан Николай. Он добивал с двух метров – вратарь, падая, успел зацепить шайбу коньком, но она перевалилась через линию и медленно, почти нехотя, закатилась в сетку.

Гол!

Ильдар не помнил, как оказался на ногах. Он кричал что-то, обнимал Генку, рядом плакал какой-то старик, а женщины махали платками. Стадион гудел, как растревоженный улей. Оставшиеся минуты «Спартак» пытался отыграться, снял вратаря, но «Урицкий» держался.

Финальный свисток прозвучал как выстрел. Ильдар опустился на скамейку, чувствуя, как дрожат ноги. Счёт 2:1. Победа. Выход в класс «А». Высшая лига.

На лёд выбежали игроки, их окружили зрители. Ильдар тоже спустился вниз, пробился сквозь толпу, увидел Круглова, который стоял, обнявшись с Козловым, и оба смеялись сквозь слёзы. Ильдар подошёл к ним, пожал руки.

– Спасибо, – сказал он. – Вы сделали это.

– Это вы, болельщики, – ответил Круглов. – Без вас мы бы не выстояли.

Потом был банкет в заводском клубе, были тосты, песни, танцы. Ильдар пришёл домой только под утро. Марат спал, раскинувшись на кровати, и во сне улыбался. Кадрия ждала мужа, сидя на кухне.

– Ну что? – спросила она, хотя по его лицу уже всё поняла.

– Выиграли, – сказал Ильдар. – Вышли в высшую лигу.

– Слава богу, – Кадрия перекрестилась. – Ты-то сам как?

– Счастлив, – ответил Ильдар, и это была правда. Он был счастлив так, как, казалось, не был никогда в жизни. Даже когда родился Марат, даже когда женился – всё было иначе. Это было счастье от того, что ты часть чего-то большого, что ты не просто зритель, а участник, что твоя поддержка, твой голос помогли этим парням выстоять.

Он подошёл к сыну, поправил одеяло.

– Сынок, – прошептал он. – Ты не представляешь, что сегодня было. Когда ты вырастешь, я расскажу тебе об этом дне. И ты поймёшь, что такое настоящий хоккей.

Марат пошевелился во сне, вздохнул и перевернулся на другой бок.

Ильдар лёг, но долго не мог уснуть. В голове крутились моменты игры: гол Круглова, сейв Степанова, добивание капитана. Он думал о том, что теперь команда будет играть с силь-

нейшими клубами страны – ЦСКА, «Динамо», «Локомотивом». И он, Ильдар, будет сидеть на трибуне и кричать за своих.

А ещё он думал о Марате. Мальчик подрастёт, и, может быть, он сам выйдет на лёд в свитере СК имени Урицкого. Ильдар сделает всё, чтобы это случилось.

За окном светало. Казань просыпалась после ночи, полной ликования. Люди на улицах ещё обсуждали вчерашний матч, разбирали моменты, спорили. Ильдар улыбнулся в темноту. Он знал, что это только начало.

Новость о выходе в класс «А» разнеслась по городу мгновенно. В газетах напечатали крупные заголовки: «Казанский хоккей – в элите!». На заводе объявили благодарность команде, а игрокам выписали премии. Ильдара на работе поздравляли, как будто он сам забил тот победный гол.

– Ты теперь наш главный болельщик, – шутили товарищи. – Без тебя не выиграли бы.

– Может, и так, – отвечал Ильдар, хотя знал, что главное было на льду.

Следующий сезон, первый в высшей лиге, стал испытанием. «Урицкий» проигрывал чаще, чем выигрывал. ЦСКА разгромил их 8:1, «Динамо» – 6:2, «Локомотив» – 5:3. Но были и победы – над «Крыльями Советов», над «Химиком», над «Торпедо». И каждая победа воспринималась как праздник.

Ильдар не пропускал ни одного домашнего матча. Он приходил на стадион с Маратом, который уже уверенно сидел на трибуне и кричал вместе со взрослыми. В четыре года Марат знал всех игроков в лицо, мог назвать состав, перечислить голы. Кадрия вздыхала: «Весь в отца».

Но самым ярким моментом того сезона стала игра против московского «Спартака» – тех самых, кого обыграли в позапрошлом году. На этот раз «Спартак» приехал в Казань с намерением взять реванш. Москвичи были злы, настроены серьёзно, и многие ждали разгрома.

Ильдар взял на матч Марата. Сын сидел рядом, свесив ноги, и смотрел на лёд с таким же напряжением, как и отец. Игра началась с давления «Спартака». На третьей минуте они забили – быстрый гол после ошибки защитника. Толпа затихла. Ильдар почувствовал, как Марат сжал его руку.

– Ничего, – сказал он сыну. – Всё только начинается.

И действительно. «Урицкий» не сломался. Они выстояли под натиском, а во втором периоде сравняли счёт – гол капитана после красивой комбинации. Трибуны ожили, и Марат закричал так громко, что Ильдар рассмеялся.

В третьем периоде произошло то, что потом называли «чудом на льду». За пять минут до конца, при счёте 2:2, «Урицкий» заработал большинство. Игроки раскатывали шайбу, искали момент, и вдруг молодой защитник, только что переведённый из молодёжки, бросил от синей линии. Шайба попала в кого-то из соперников, изменила траекторию и залетела в ворота, вратарь даже не среагировал. 3:2.

Стадион взорвался. Ильдар вскочил, подхватил Марата на руки, и они кричали вместе, обнявшись. Сын обхватил его шею руками и повторял: «Папа, мы выиграли! Папа!».

Когда прозвучал финальный свисток, Ильдар опустил Марата на скамейку. У мальчика горели глаза, щёки раскраснелись от мороза и восторга.

– Папа, – сказал Марат. – Когда я вырасту, я тоже буду играть за «Урицкого». Я буду забивать такие голы.

– Будешь, – сказал Ильдар. – Обязательно будешь.

Он верил в это. Так же, как верил в команду, как верил в то, что хоккей в Казани будет жить вечно. Они шли домой по заснеженным улицам, держась за руки, и Марат всё повторял названия игроков, которых запомнил. Ильдар слушал и думал о том, что это только начало долгого пути. Пути, который приведёт их к новым победам, новым именам, новым стадионам. И когда-нибудь его внук, а может, и правнук будут сидеть на трибуне и кричать за команду,

которую когда-то называли «Машстрой», потом СК имени Урицкого, а потом, может быть, как-то иначе. Но главное останется неизменным – любовь к хоккею, переданная из поколения в поколение.

В ту ночь Ильдар долго не спал. Он смотрел на спящего Марата и думал о том, что будущее уже наступило. Оно пришло на лёд стадиона «Динамо» в тот день, когда они обыграли «Спартак». И оно продолжается сейчас, в каждом матче, в каждом голе, в каждом крике с трибун.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.